

ПЕДАГОГИКА*(специальность: 13.00.08)*

УДК 37

Н.П. Клушина*Северо-Кавказский федеральный университет**г. Ставрополь, Россия*

klnp13@mail.ru

В.А. Яшуткин*Ставропольский государственный педагогический институт**г. Ставрополь, Россия*

kaf.pedagogiki@mail.ru

**СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ
РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ*****[Nadezhda P. Klushina, Vyacheslav A. Yashutkin*****Family education in the context of the conceptual field of parental power:
psychological and pedagogical aspect of research]**

The article, from a psychological and pedagogical position, considers parental power as a determinant of family education styles. The authors analyze the concept of the category of power as social interaction, which is represented by social and interpersonal relations. At the same time, the importance of the legitimacy of the government is emphasized, styles of family education are presented in the context of three types of power focused on violence, on relations of cooperation and on anarchy.

Key words: education, upbringing, personality, family, power, attitude, interaction.

Обращаясь к проблеме стилей семейного воспитания детей, сделаем обоснование теоретико-методологической основы анализа этой проблемы. Полагаем, что характеристика отношений между родителями и детьми может быть дана в понятийно-смысловом поле категории власти. Данная категория не является традиционной для использования в научно-педагогическом тезаурусе знаний [10, с. 53–55]. Тем не менее, является очевидным

следующий факт: в семье как важнейшем институте социализации, образования и воспитания личности ребенка властные отношения (во всяком случае, между родителями и детьми) могут быть.

Обратимся к общему анализу сущностных характеристик власти как явления и научной категории. Теоретический анализ феномена власти в его социально-психологическом и педагогическом значении правомерно осуществить в контексте понятийно-смысловых характеристик категории отношение, так как власть имеет коммуникативный характер и поэтому власть представляет собой отношения между людьми.

В социально-психологическом значении наиболее распространенным видом отношений является социальное взаимодействие. Структура социального взаимодействия представлена общественными и межличностными отношениями. Общественные и межличностные отношения обладают определенной спецификой [6, с. 73–78]. Тем не менее, в реальности представляют собой системную целостность того или иного процесса, подразумевающего философскую категорию непрерывности. «Философская рефлексия задает образовательной концепции смысл, цель, формы, выполняет интегративную функцию» [2, с. 80–85].

Особенности общественных отношений проявляются в том, что они строятся на основе социального статуса, который имеет каждый человек в рамках тех или иных общественных образований группового характера. Особое внимание отводится анализу чувственной, эмоциональной сферы человека [3, с. 68–69]. Поэтому общественные отношения по своей сущностной природе объективны, обезличены и обусловлены требованиями, предъявляемыми к человеческому поведению социальной ролью, которую выполняет личность в определенный момент своей жизнедеятельности. Формирование личности в конкретном социуме, где «исторически проживает множество народов со своими традициями и верованиями» [7, с. 195–201], осуществляется через «...формирование духовных и культурных традиций» [8, с. 66–72]. Социальная роль трактуется исследователями в качестве специфической общественной функции, детерминирующей обязанность человека руководствоваться в своих отношениях с другими людьми определенными социокультурными поведенческими образцами, исходя из его (человека) той или иной социальной позиции. Такое ожидаемое поведение, определяющее конфигурацию соци-

альной роли, обуславливается не психологическими характеристиками конкретного человека, а исключительно требованиями социума к правильности его ролевого поведения. Важно то, что любая социальная роль, в том числе и семейного характера, предполагает фиксацию определенных обязанностей, которые каждый человек должен выполнять в семейной жизни.

В свою очередь, межличностный уровень социального взаимодействия детерминируется не объективными требованиями к поведению человека со стороны общества, а тем, что межличностные отношения в своей конкретной специфике причинно определяются самим человеком. В этом плане сущность межличностных отношений значительно отличается от сущности общественных отношений. Главное, фундаментальное отличие состоит в том, что межличностные отношения всегда эмоционально окрашены человеческими чувствами. Чувства очень многообразны. Тем не менее, их можно классифицировать по двум основаниям:

- конъюнктивные – сюда относят чувства, способствующие человеческой консолидации;
- дизъюнктивные – представляют собой негативно окрашенные эмоциональные состояния, способствующие возникновению отчуждения в межчеловеческих отношениях [1].

Обратимся теперь к краткому понятийному и феноменологическому анализу категории власти. Наиболее общая схематизация власти может быть представлена следующим образом: «А» властвует над «Б», в том случае, если изменяет поведенческие и деятельностные проявления «Б». Обозначенная общая схематизация позволяет сформулировать соответствующее определение власти в следующем варианте: власть необходимо понимать в качестве индивидуальной или групповой возможности и способности определенным образом влиять на человеческое индивидуальное или групповое поведение такими средствами, как воля, авторитет, право и насилие [5].

Тем не менее, приведенное определение является наиболее общим, так как полностью не раскрывает сущностную природу явления власти. Для понимания этой природы важно ответить на следующий вопрос: какое функциональное значение имеет власть для отдельного человека, социальных групп и общества? Такое функциональное значение детерминировано индивидуальными и групповыми интересами людей. Общественные груп-

пы, социум нуждаются во власти как в фундаментальном средстве удовлетворения базовых потребностей в порядке стабильности, групповой саморегуляции, конструктивном временном развитии. Каждой отдельной личности власть-влияние нужна в качестве средства удовлетворения собственных индивидуальных потребностей.

По мнению ряда исследователей, сам процесс реализации потребностей рождает властные отношения между людьми. Причем, властные отношения возникают только тогда, когда удовлетворение потребности одного социального субъекта (человека или группы) зависит от действий другого социального субъекта, и он вынужден воздействовать на этого другого, чтобы, изменив его поведение в свою пользу, реализовать свои интересы, удовлетворив соответствующие потребности.

Наиболее значимая характеристика власти, которая, по сути, является фундаментальной детерминантой ее устойчивого и стабильного функционирования проявляется в ее (власти) легитимности. Легитимность власти (ее законность) исследователи трактуют в качестве результата ее легитимизации, в процессе которой власть имущий обретает согласие тех, кто ему подвластен на право осуществлять властные полномочия.

Легитимность власти обусловлена тем, насколько честно и качественно обладающий властью будет выполнять взятые на себя обязательства перед подчиненными людьми. Обусловленность стабильности и конструктивности власти качественным выполнением властной стороной своих обязанностей признают практически все исследователи. Честное отношение власть имущего к своим обязанностям неизменно повышает цену его власти. И наоборот, невыполнение обязанностей рано или поздно приводит к снижению доверия к власти и потере ее легитимности. Таким образом, преодоление кризиса власти, означающее ее ревалюацию, осуществляется с помощью комплекса мер с целью повышения доверия подчиненных к личности субъекта власти. Следовательно, именно доверие к личности власть имущего, легитимность его власти является базовым условием того, что люди добровольно, без принуждения подчиняются тому, кто этой властью обладает [4].

При рассмотрении сущностных характеристик власти необходимо обратиться к проблеме феноменологического соотношения власти и насилия. В современной науке структурировалось два понимания соотношения

обозначенных явлений. Первое понимание основано на следующем утверждении: власть представляет собой конфликтное отношение, так как всегда ориентирована на преодоление сопротивления того, на кого направлена. Таким образом, насилие (принуждение) является обязательным атрибутом и инструментом любой власти.

Исследователи, ориентированные на второе понимание соотношения власти и насилия считают, что властные отношения априори не конфликтны. Власть, как полагают представители этого теоретического направления, всегда конструктивна и направлена на достижения общего блага участников отношений. Более того, исследователи, придерживающиеся этих теоретических позиций, считают, что насилие является причиной и следствием девальвации власти, ее разрушения: насилие может разрушить власть, но никогда не сможет создать ее (Х. Арендт). Применяя насилие в качестве метода властного воздействия, власть имущий, по сути, признает, что уже не может руководить и достигать управленческих целей средствами конструктивного сотрудничества. Следовательно, потребность в насилии возникает тогда, когда власть исчезает. Поэтому, как полагают представители этого направления, насилие власти не нужно, а нужна только легитимность.

Рассмотрение сущностных характеристик власти как социально-психологического явления и научной категории позволяет обратиться к анализу трех видов ее проявления в семье – власти, ориентированной на насилие, власти, ориентированной на отношения сотрудничества и анархии, а также стилей семейных отношений, которые порождаются этими видами отношений.

Определим понятие власти в семье следующим образом: власть в семье реализуется через ролевые и собственно психологические отношения между членами семьи: во взаимодействии супругов и взаимодействии супругов и детей. Легитимность родительской власти во всех ее проявлениях обусловлена должным выполнением супругами своих обязанностей перед своими детьми. Власть родителей определяет конструктивные или деструктивные стили семейного воспитания.

Власть в семье, основанная на насилии (односторонняя властная зависимость), детерминирует авторитарный и либерально-попустительский стили семейного воспитания. Односторонняя властная зависимость возникает в ситуации крайней централизации власти в одной точке, то есть у

одного субъекта (или субъектов) семейных отношений (чаще всего речь идет о родителе или родителях). Обладание властью в форме силы означает возможность и способность субъекта семейной власти (родителя или родителей) оказать намеренное влияние на ребенка средствами физического или психологического насилия (принуждения). Большинство исследователей согласны с тем, что при осуществлении семейной власти с помощью силы, в отличие от других форм власти, дети лишаются возможности поведенческих выборов, у них нет альтернативы подчинению: сила в социально-психологическом смысле означает сокращение числа, ограничение или полное исключение альтернатив семейного поведения детей.

Утрата возможности хоть как-нибудь повлиять на происходящие события в семье делает жертв семейного диктата беспомощными, лишает их уверенности в себе и элементарного самоуважения. При этом отсутствие возможности повлиять на поведение авторитарных родителей неизменно порождает у детей ощущение несправедливости и чувство унижения. Это порождает общее недоверие между участниками семейных отношений.

Таким образом, авторитарный стиль семейного воспитания порождается властью-насилием-принуждением. Условия для реализации насильственной парадигмы семейного воспитания могут быть сведены к следующему:

- отрицание свободы детей, признание того, что поведение детей изначально ущербно и нуждается в управлении, отрицание способности детей к саморегуляции;
- построение эмоционального барьера в отношениях с детьми и уменьшение проницаемости эгоистического поведения родителя по отношению к ребенку;
- повышенная чувствительность родителей к наличию или отсутствию желательного или нежелательного поведения детей и соответственно страх невозможности реализовать цели семейного воспитания, неспособность ждать и нетерпимость к рассогласованию ожиданий и реальности, что соответствует эмоциональной, социальной и духовной незрелости родителей (или родителя);
- преобладание негативных санкций, в качестве внешних стимулов воздействия на детей: «Если ты этого не сделаешь, то тебе будет плохо».

Последствия авторитарного стиля семейного воспитания для личности ребенка являются следующими: жизненная апатия, безинициативность, необщительность, постоянное чувство страха. Или наоборот, желание компенсировать свои обиды за счет агрессивного, конфликтного поведения по отношению к окружающим.

Обратимся к либерально-попустительскому стилю семейного воспитания (гипоопеке). Такой стиль детерминирован односторонней семейной властью, но только теперь со стороны детей. Родители полностью находятся в подчинении своих детей, стремясь удовлетворить все их потребности. Практически отсутствует родительское требование. Вследствие такого воспитания дети вырастают крайними эгоистами, конфликтными, не способными строить конструктивные отношения с окружающими, самостоятельно преодолевать жизненные ценности.

Рассмотрим теперь власть в семье, основанную на сотрудничестве (взаимозависимая семейная власть) и порождаемый ею демократический стиль семейного воспитания. Взаимозависимая семейная власть имеет конструктивный характер, так как ее свойства ориентированы на гуманистические ценности и идеалы, в полной мере отвечая интересам и потребностям всех участников семейных отношений. Взаимозависимые властные отношения в семье создают необходимые условия для полноценного развития личности детей, поэтому такая форма проявления семейной власти является наиболее оптимальной.

Взаимозависимая семейная власть-сотрудничество строится на основе принципа децентрализации власти. Децентрализация семейной власти является необходимым условием преодоления ее односторонности. Обязательность такой децентрализации детерминирована необходимостью устранения социально-психологических условий для злоупотребления родителями (родителем) своей властью, и соответственно, авторитаризма в системе семейных отношений.

Односторонняя семейная властная зависимость обусловлена концентрацией власти в руках одного или двоих родителей. По мнению ряда современных исследователей, не властные отношения в семье сами по себе, а концентрация семейной власти, то есть нарушение взаимозависимости семейных отношений, создает условия для различного рода злоупотреблений властью родителями, что приводит к манипулированию принципами свободы и справедливости. Исходя из этого, основное демократическое требование к властным отношениям в се-

мье сводится к необходимости нормативного разделения власти между всеми ее субъектами семейных отношений. Такая семейная власть является полностью легитимной и порождает демократический стиль семейного воспитания. Исследователи характеризуют обозначенный стиль следующим образом:

- инструктирование детей в виде предложений; позитивный фон общения родителей с детьми; похвала и порицание осуществляются в сопровождении с советами и предложениями; родительское требование и возможные запреты – обязательно с объяснениями;
- участие детей вместе с родителями в обсуждении актуальных проблем семейной жизни, совместное принятие соответствующих решений; соответственно возрасту детей оптимальное разделение семейных прав и обязанностей с целью развития детской самостоятельности и инициативы.

Демократический стиль семейного воспитания реализуется в режиме постоянного диалога, что создает условия для творческой самореализации личности ребенка в системе семейных отношений. Результат такого семейного воспитания очевиден: позитивные личностные качества детей: их самоуважение, высокая самооценка, способность самостоятельно решать проблемы в жизни и учебе, способность к позитивному общению со взрослыми и сверстниками, креативность личности.

Социально-психологические детерминанты демократического стиля семейного воспитания отражаются в смысловом значении понятий авторитета и доверия. Например, концепции власти, отвергающие необходимость использования насилия в качестве ее (власти) основного инструмента, трактуют власть в качестве социально-психологических отношений, в обязательном порядке основанных на взаимном человеческом доверии, что создает необходимые условия для легитимизации власти. В этом плане, системно-интегрирующий источник родительской власти детерминируется легитимным авторитетом личности родителей [9].

Такой авторитет основан на родительских способностях создавать необходимые условия для конструирования общего согласия в отношениях с детьми. Таким образом, при легитимном родительском авторитете и соответствующей семейной власти, дети подчиняются воле своих родителей без принуждения и абсолютно добровольно.

И наконец, стиль семейного воспитания «невмешательство» порождает анархию. Анархия, дословно безвластие, полностью отвергает принцип соподчиненности вертикальных уровней во властной иерархии, как и возможность самого существования таких уровней отношений. Состояние анархии очень точно отражается в классическом анархическом выражении: каждый человек сам по себе. Стиль семейного воспитания, предполагающий возможность независимой жизни родителей и детей, получил название «невмешательства». При таком стиле семейных отношений существуют два параллельных, практически непересекающихся миров: мир родителей и мир детей. Психологической детерминантой таких воспитательных отношений (вернее их отсутствия) является родительская воспитательная пассивность, а порой и их эмоциональная холодность, безразличие, неумение и нежелание учиться быть родителями. Этот тип взаимоотношений довольно часто предполагает безответственность, безнаказанность детей, что приводит к их лицемерию, эгоизму, распушенности, недисциплинированности, отсутствию у детей осознания норм морали.

Возможно сформулировать следующий вывод: власть является базовым инструментом реализации семейных отношений, в том числе отношений семейного воспитания детей. Оптимальная форма семейной власти – легитимная власть-сотрудничество, которая отвергает насилие в качестве инструмента семейного воспитания, детерминирует конструктивный демократический стиль обозначенного воспитания, который, в свою очередь, создает оптимальные условия для развития личности ребенка в условиях семейных отношений.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2017. 363 с.
2. *Болховской А.Л., Говердовская Е.В., Ивченко А.В.* Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 5. С. 80–85.
3. *Камалова О.Н.* Эстетическое освоение действительности в контексте философских идей Шеллинга // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 1 (38). С. 67–69.
4. *Конфисахор А.Г.* Психология власти. СПб.: Питер, 2004. 235 с.

5. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 380 с.
6. *Лобейко Ю.А.* Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 73–78.
7. *Миронова Е.Н., Колосова О.Ю., Гончаров В.Н.* Деструктивные религиозные объединения: философско-правовой анализ // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 3(19). С. 195–201.
8. *Несмеянов Е.Е., Харламова Г.С.* Духовность как концепт и мировоззренческая универсалия (рецепция идей Плотина) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 6(103). С. 66–72.
9. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Академия, 2000. 263 с.
10. *Goncharov V.N.* Public information and public knowledge // European Journal of Natural History. 2010. № 1. С. 53–55.

R E F E R E N C E S

1. *Andreeva G.M.* Social Psychology. Moscow: Aspect Press, 2017. 363 p.
2. *Bolkhovskoy A.L., Goverdovskaya E.V., Ivchenko A.V.* Education in a globalizing world: a philosophical view // Economic and humanitarian studies of regions. 2013. No. 5. P. 80–85.
3. *Kamalova O.N.* Aesthetic assimilation of reality in the context of Schelling's philosophical ideas // Humanities and socio-economic sciences. 2008. No. 1 (38). P. 67–69.
4. *Konfisakhor A.G.* The psychology of power. SPb.: Peter, 2004. 235 p.
5. *Ledyayev V.G.* Power: A Conceptual Analysis. Moscow: Russian political encyclopedia, 2001. 380 p.
6. *Lobeiko Yu.A.* Socio-psychological problems of communication in the context of interpersonal social relations // Economic and humanitarian studies of regions. 2015. No. 4. P. 73–78.

7. *Mironova E.N., Kolosova O.Yu., Goncharov V.N.* Destructive religious associations: philosophical and legal analysis // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2016. No. 3 (19). P. 195–201.
8. *Nesmeyanov E.E., Kharlamova G.S.* Spirituality as a concept and worldview universality (reception of Plotinus's ideas) // Humanities and socio-economic sciences. 2018. No. 6 (103). P. 66–72.
9. *Skripkina T.P.* The psychology of trust. Moscow: Academy, 2000. 263 p.
10. *Goncharov V.N.* Public information and public knowledge // European Journal of Natural History. 2010. No. 1. P. 53–55.

23 октября 2020 г.
